

Павлов Федор Павлович

**Чуваши и их песенное и
музыкальное творчество**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ф33

Ф33 **Федор Павлович П.**
Чуваши и их песенное и музыкальное творчество / Павлов Федор Павлович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 67 с.

ISBN 978-5-521-26986-0

Искусство. Искусствознание, Музыка, История музыки, Российская Федерация, Чуваш-
ская музыкальная культура, Чувашская народная музыкаПесня чувашская народнаяМузыкальный
фольклор чувашскийЧуваши

ISBN 978-5-521-26986-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Мне хотелось отметить другое. Чувашская народная песня не ждет исследователя. Во многих деревнях старинная песня уже замолкла, забыта. Во многих случаях песня пропитывается новым колоритом, который часто по духу своему чужд типически чувашской психике. Смена быта приносит утерю многих народных чувашских песен.

Надо спешить с изучением этой песни. И если автор несколько расширил свои задачи и изучает вопрос на фоне общих этнографических и исторических особенностей своего народа,—то в этом оказывается горячее стремление не оставить народную песню изолированной, т. к., будучи изолирована от обстановки, она звучит менее убедительно и менее колоритно.

Стремление, разумеется, — совершенно законное.

Основной материал Ф. П. Павлова является интересным и безусловно нужным. В дальнейших исследованиях он в отдельных случаях будет углублен, а этнографическая научная критика укажет и те пути, по которым автор должен идти в своих дальнейших исследованиях.

Последнего автор сам желает, и это свидетельствует об его стремлении дать для науки не только значительный, но и строго научный материал.

В заключение хочется пожелать, чтобы автор при содействии и руководстве специалистов достиг своей желанной цели.

Профессор В. СМОЛИН.

31-го марта 1926 года.

О Т А В Т О Р А.

Составление настоящей работы диктовалось желанием собрать в одной книге различные статьи, заметки, отдельные очерки, написанные в разное время, и проверить те выводы, которые должны из них следовать. В книгу попали: 1) разные заметки, занесенные в записные книжки и тетради; 2) заметки и статьи, напечатанные в разных органах чувашской печати и 3) доклады, рефераты, лекции, прочитанные в разных кружках: в Чебоксарском педтехникуме, в Чувашском рабфаке, в Обществе Изучения Чувашского Края и на некоторых съездах чувашских работников: просвещения, искусств, печати, литературы и проч.. Само собой разумеется, что соединение в одной книге разных статей, написанных в разное время и на разные темы, потребовало значительной переработки. Многие главы написаны совершенно заново. Однако, эта некоторая пестрота подбора статей не мешает им уложиться в общую линию той идеи, которая проходит через всю книгу и объединяет разнородный материал одним внутренним единством.

Почти все статьи, за исключением новых, первоначально были написаны на чувашском языке. На этом основании, предлагаемые очерки с полным правом можно назвать переводом с чувашского. Необходимо отметить, что переводческая форма изложения несколько стесняла в работе, мешая живому течению мыслей, заставляя местами жертвовать литературностью изложения для того, чтобы ближе придерживаться чувашского подлинника. Может задаваться вопрос: почему автор принял на себя труд перевода очерков на русский язык? Не лучше ли было бы разработать их на чувашском языке? Автор имел в виду желание поделиться своими материалами с более обширным кругом читателей, в том числе, с фольклористами, не знающими чувашского языка, но, тем не менее, интересующимися чувашским фольклором.

Настоящее сочинение состоит из 10-ти очерков.

Первый очерк содержит обзор этнографической литературы о песенном и музыкальном творчестве чуваш, а также и обзор сборников чувашских песен.

Второй очерк содержит краткий исторический обзор о чувашах. В очерке затронуты гунский, болгарский и собственно чувашский периоды.

В третьем очерке даются краткие сведения о физическом типе чуваш и характеристика их духовно-нравственного мира, вообще, и развития у них музыкального слуха, в частности, по данным этнографической литературы о чувашах.

В четвертом очерке рассматривается быт в главнейших его проявлениях, тесно связанных с пением, музыкой, танцами, общественными играми, массовыми праздниками и различными обрядами в чувашской жизни как в прошлом, так и в настоящее время.

В пятом, самом обширном из очерков, рассматриваются чувашские народные песни по их видам, содержанию и дается характеристика их с художественно-эстетической точки зрения.

Пятым очерком заканчивается первая часть сочинения.

В шестом очерке, относящемся к второй части, дается опыт исследования стихосложения чувашской народной песни, при чем отдельно рассматривается метрика и ритмика народного стиха, его эвфония и строфика.

Седьмой очерк представляет из себя также опыт исследования ритма, но ритма чисто музыкального, песенного. Здесь рассматривается музыкальный ритм чувашской народной песни, ритм чувашского танцевального мотива, ритм самого танца, рассматриваются также такты, их размеры, дробление и различные виды ритма (фасоны).

Восьмой очерк, не менее обширный, чем пятый, посвящен исследованию мелодического строения чувашской народной песни и танцевальной музыки. Рассматриваются древнейшие звукоряды, пятитонные гаммы и позднейшая конструкция чувашской гаммы, модуляция, строй и зачатки инструментальной гармонизации в танцевальной музыке (гусли).

В девятом очерке рассматриваются музыкальные инструменты чуваш в связи с историческим происхождением

инструментов и отношеиим их к музыкальным орудиям других народов.

В десятом (последнем) очерке особым вопросом выдвинуты проблемы о происхождении, характере и развитии чувашской музыки, об отношении чувашской музыки к китайскому мелосу, об общетюрском монизме в чувашском мелосе и позднейших влияниях на чувашскую музыку со стороны русской и европейской музыкальной стихии.

Из очерков выделены некоторые вопросы частного характера, которые рассматриваются в приложениях к очеркам. Как приложение же, особым сборником будут изданы чувашские народные песни, собранные и записанные автором в разное время и послужившие материалом для составления настоящих очерков.

Ф. ПАВЛОВ.

Г. Чебоксары,
22-го апреля 1923 года.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ. (Вступительный).

Краткий обзор источников и литературы.

Если ктонибудь из интересующихся пожелал бы заняться изучением чувашской музыкальной этнографии, то тот рано или поздно пришел бы к убеждению, что его работа, по крайней мере, на первых порах значительно затрудняется отсутствием специальной исследовательской литературы. В изданиях и архивах русских ученых обществ почти нет ни одной книги о чувашской музыке. Мы говорим: «почти нет» — потому что, если и есть чтонибудь, то едва ли это «чтонибудь» можно считать за удовлетворительный материал, вполне достаточный для фольклориста, интересующегося вопросами чувашской музыкальной этнографии. В виде исключения, можно привести названия только немногих трудов. Впрочем, и эти немногие труды относятся к числу сочинений общетнографического характера. Вполне естественно, в них не содержится подробной трактовки вопросов чувашской музыки, но, впрочем, в них нередко имеются мимоходом высказанные замечания о музыке чуваш, также нередко — небольшие характеристики чувашских песен по их видам. Хотя и это — шаг вперед, но все же нам приходится констатировать, что научно-исследовательская литература о песенно-музыкальном творчестве чуваш очень скудна, она находится только в зачаточном состоянии. Автор, начинающий свою работу в этой области, рискует оказаться в положении одинокого путника в голой пустыне, где нет ни пути ни следов, где только без конца простирается неведомая страна — *terra incognita* науки.

При таком положении дела, для данного случая вовсе не безразличен тот несомненный факт, что на долю первых исследователей, как это случается, падает неблагоприятная

участь проделать черновую, подготовительную работу. Автор не без некоторой тревоги смотрит на свое начинание. Он видит и сознает те трудности, которые стоят перед ним. Все, что относится к исторической части настоящей работы или к этнографической стороне ее, еще не представляет слишком трудной задачи. Здесь на лицо имеется довольно богатый готовый материал. Многие вопросы значительно проработаны, хорошо и достаточно освещены, так что в них можно ориентироваться без особенного риска впасть в грубую ошибку. Хотя некоторые из этих вопросов, в свою очередь, тоже нуждаются в пересмотре, но в настоящем специальном сочинении нет возможности заняться основательным разбором их, ибо это другая тема, которая для данного случая не составляет предмета исследований. Поэтому автору пусть не ставится в вину то, что он в соответствующих местах достаточно широко пользуется историко-этнографическими исследованиями других авторов. Но все, что относится к музыкальной стороне дела, автором проделано самостоятельно. Равным образом, для своих фольклорных очерков автор не имел перед собою особенно много примеров. Вследствие этого, в работе могут быть ошибки, подчас и грубые. Но автор находит удовлетворение в сознании, что последующие исследователи уже не допустят их. Поэтому он заранее готов с благодарностью принять указания компетентной критики.

Приступая к обзору главнейших сочинений и сборников по вопросу о чувашском песенном и музыкальном творчестве, нужно иметь в виду, что недостаток места не позволяет дать библиографию всей литературы о чувашах. Это в нашу задачу и не входит. Здесь достаточно будет указать только на те книги, в которых хоть чтонибудь можно найти о чувашской музыке,—хотя бы несколько куплетов чувашских песен или только упоминание о чувашском музыкальном быте. Понятно, мы можем ознакомить читателей только с теми книгами, которые нам самим известны. Поэтому наш библиографический обзор несколько не претендует на полноту. Однако, для интересующихся мы даем более полный и подробный библиографический указатель, который относим к концу настоящей книги в виде особого приложения*).

*) См. Приложение 1-е: библиографический указатель.

Здесь же мы имеем в виду остановиться лишь на трудах Миллера, Фукс, С. Михайлова, Сбоева, Риттиха, Ашмарина, Мошкова, Комиссарова, Никольского и на сборниках И. Яковлева, Пазухина, С. Максимова и др. в виду того особенного значения, которое заняли эти работы в литературе по вопросам этнографии чуваш. Для удобства чтения наш обзор располагается в хронологическом порядке по эпохам. Вполне естественно задаваться вопросами такого рода: что дала этнографическая литература XVIII века в той области, которая нас больше всего интересует? Какое литературное наследство оставил XIX век? Какой конкретный песенно-этнографический музыкальный материал накопился до наших дней? Подобные вопросы невольно возникают перед начинающим заниматься чувашской музыкальной этнографией. Для обзора избран принцип хронологической классификации по эпохам. Правда, принцип этот до некоторой степени искусственен, но он принят в науке, особенно в дисциплинах исторического порядка.

Глава 1-я. XVIII и XIX в.в.

Огромно значение того литературного наследства о чувашах, которое мы имеем в лице русской этнографической науки. Однако, нельзя в то же время не признать, что в русской этнографической литературе, касающейся чуваш, есть и недостатки. Они, главным образом, сводятся к тому, что сведения, сообщаемые о чувашах, часто не точны и не соответствуют реальной действительности. Для конца XVIII века в этом смысле весьма характерным является сочинение.

Г. Ф. Миллера: «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов». О книге Миллера в свое время Сбоев дал следующий отзыв. «Г. Ф. Миллер—известный историограф», говорит Сбоев.—«Возвращаясь в 1843 г. из ученого путешествия по Сибири, он на некоторое время остановился в Казани, собрал несколько сведений о здешних инородцах и составил свое сочинение... В этой книге, говоря строго, мы немного должны признать принадлежащим Миллеру. Он без разбора вносил в нее все, что слышал от толмачей, данных ему из местной губернской канцелярии. Результатов личных наблюдений автора здесь почти не видно. По крайней мере,

сведения о чувашах он заимствовал исключительно из рассказов толмачей. Миллер сам признавался, что ни в одной чувашской деревне он не был. И не странно ли»,—продолжает Сбоев,—«что собранные таким образом сведения, естественно не полные и во многих отношениях не верные, у нас долгое время пользовались вовсе незаслуженной честью неоспоримого авторитета и что позднейшие писатели очень часто целиком повторяли слова Миллера, хотя для того, чтобы видеть их несправедливость, нужны были не особенная проницательность, не особенное остроумие, не особенная наблюдательность, а просто здоровые чувства зрения и слуха». Таково мнение Сбоева о научных достоинствах сочинения Миллера. В настоящее время не требуется особого подтверждения приведенной критики, чтобы убедиться в ее справедливости.

Что касается чувашской музыки, то о ней Миллер не дает и понятия. Пляску чувашскую он называет беспорядочною. «Их игры и пляска на свадьбах и при прочих увеселениях состоят в том»,—пишит он,—«что старшие и знатнейшие из гостей сидят по лавкам, или на столе*), и забавляются питьем, а молодые мужчины и женского полу на полу, при игре на разных инструментах, без всякого порядка кругом скачут и, пляшучи, бьют в ладоши». Из музыкальных инструментов, употребляемых чувашами, перечисляет: гусли, волынку и варган. Понятно, сочинения, подобные Миллерову, в настоящее время особенной научной ценности не представляют.

* * *

Вплоть до сороковых годов XIX века мы не имеем сочинений, в которых можно было бы найти хотя бы краткое упоминание о музыке чуваш. Но зато в 1840 году появилось сразу целое исследование о чувашах, принадлежащее перу казанской поэтессы А. А. Фукс, в котором автор затрагивает, хотя и поверхностно, вопросы о песенном творчестве чуваш. Начиная с этого времени, отдельные ученые, литераторы, журналисты, общественные деятели—все больше и больше начинают интересоваться чувашским миром.

*) Сидеть на столе во время пира или в гостях было бы неслыханным оскорблением для хозяина дома. Ф. П.

Пробудившийся научный интерес охватывает самые разнообразные вопросы чувашской этнографии. В том числе не на последнем месте стоят и вопросы о музыкальном и песенном творчестве чуваш. Наибольший интерес к чувашской музыке и песне проявляется в 90-х годах. Эти годы характерны появлением специальных монографий, посвященных исследованию чувашской песни (Н. И. Ашмарин), чувашской музыки (В. А. Мошков), чувашского национального танца (И. Н. Юркин) и др. Объясняется это обстоятельство отчасти тем, что в крае появились школы и средние учебные заведения, куда принимались чуваш, так что через них культурный мир невольно знакомился как с самими чувашами, так и с духовным их творчеством. К концу XIX века относится расцвет Симбирской чувашской школы, которая выпустила целое поколение чувашских народных учителей. Питомцы этой школы, воспринимавшие стремление к просвещению чуваш на почве их родного языка и культуры, в своей практической деятельности не могли пройти мимо тех вопросов, которые были связаны с задачами изучения своего родного народа и его быта. Многие из них тщательно изучали историю народа, его быт, культурно-экономические условия, религиозные верования и пр.. Особенное внимание было обращено на изучение языка чуваш и на собирание памятников народного творчества: песен, сказок, загадок, преданий и проч. К концу XIX века мы видим уже ставших известными, в тесных научных кругах, собирателей, вышедших из среды самого чувашского народа. К таковым относятся— Н. В. Никольский, знаток чувашской истории и этнографии; И. Н. Юркин, ныне известный в чувашском мире писатель напечатавший ряд статей на русском языке по этнографии чуваш в различных научных органах. Остановимся на некоторых сочинениях, которые интересны для нас или собранными материалами или оригинальными взглядами.

1. А. А. Фукс. «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии». О книге Фукс тот же Сбоев дал следующий отзыв. «Заметки А. А. Фукс ввели в ошибку многих ученых, на слово поверивших ей. Вот почему я считаю нужным заметить, что напрасно мы стали бы искать у нее сведения, которые могли бы привести исследователя к серьезным, важным выводам. Описать костюм чувашский, потолковать

с апайкою о разных житейских мелочах, рассказать, как чуваши принимают и потчуют своих гостей,—это г-жа Фукс, пожалуй, исполнит ловко, грациозно и даже верно, если только известная по заволжью поэтическая муза ее не подбросит ей под перо красного словечка. А красные слова у г-жи Фукс ни почем. Но как скоро она начинает говорить о чем либо серьезном, то сейчас же обнаруживается, что это не ее сфера. Например, г-жа Фукс говорит: «песни чуваш спрятаны в их воображении: когда они едут лесом, то поют, не приготовясь, песнь лесу; плывут по реке—и поют похвалу ей; едут по дороге—и воспевают ее, и все случившиеся на ней были и небылицы» (стр. 82). «Это сказано прекрасно»—продолжает Сбоев,—«чуваш точно весьма часто импровизируют свои песни, но не менее справедливо и то, что у них есть песни, переходящие из одного поколения к другому, да и сама г-жа Фукс приводит и прекрасно переводит две из них, известные всему чувашскому миру».

Мнение Сбоева не лишено оснований. Все же в оценке книги Фукс у Сбоева не можем не видеть некоторой иронии. Это уже говорит о том, что автор не был беспристрастным критиком. Если Фукс умела верно описать чувашский костюм, если она умела подойти настолько близко к чувашской женщине, что могла спросить ее о разных житейских мелочах, и если успела настолько близко изучить повседневный быт чувашина, что умела рассказать о том, как чуваш «принимают и потчуют своих гостей»,—то это несомненно свидетельствует о некоторых положительных сторонах ее исследовательской работы, потому что тут уже видно личное наблюдение автора над жизнью и бытом описываемой среды. Трудность своей работы по исследованию чуваш, очевидно, сознавала и сама Фукс. Это видно из следующих слов, оброненных ею на первой же странице «Записок»: «Я воображаю, что мое описание чуваш будет очень жалкое, но я решилась, дала себе обещание и исполню его с удовольствием». Не вся книга целиком принадлежит перу автора. Часть книги включает работу ее мужа—К. Ф. Фукс, который дает научные разъяснения и дополнения к «Запискам». Интересны народные стихи, приписываемые некоему чувашскому поэту Феде, которые будто-бы переслал автору «Записок»